

Николай Некрасов

Кому на Руси жить хорошо

Николай Алексеевич Некрасов

Кому на Руси жить хорошо

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=173705*

Аннотация

«Кому на Руси жить хорошо» – итоговое произведение Некрасова, народная эпопея, куда вошел весь многовековой опыт крестьянской жизни, все сведения о народе, собранные поэтом «по словечку» в течение двадцати лет.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
ПРОЛОГ	4
Глава I. ПОП	20
ГЛАВА II. СЕЛЬСКАЯ ЯРМОНКА [16]	38
ГЛАВА III. ПЬЯНАЯ НОЧЬ	56
ГЛАВА IV. СЧАСТЛИВЫЕ	75
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Николай Алексеевич Некрасов

Кому на Руси жить хорошо

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

В каком году – рассчитывай,
В какой земле – угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож,
Сошлись – и заспорили:

Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядячи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...

Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всяк на своем стоит!
Такой ли спор затеяли,
Что думают прохожие —
Знать, клад нашли ребятушки
И делят меж собой...
По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы,
Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия

Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое,
А два братана Губины
Так просто с недоуздочком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядком идут!
Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале – то скорей.
Идут – перекоряются!
Кричат – не образумятся!
А времечко не ждет.

За спором не заметили,
Как село солнце красное,
Как вечер наступил.
Наверно б ночку целую
Так шли – куда не ведая,
Когда б им баба встречная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «Почтенные!
Куда вы на ночь глядячи
Надумали идти?..»

Спросила, засмеялася,

Хлестнула, ведьма, мерина
И укатила вскачь...

«Куда?..» – переглянулись
Тут наши мужики,
Стоят, молчат, потупились...
Уж ночь давно сошла,
Зажглися звезды частые
В высоких небесах,
Всплыл месяц, тени черные
Дорогу перерезали
Ретивым ходакам.
Ой тени! тени черные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Вас только, тени черные,
Нельзя поймать – обнять!

На лес, на путь-дороженьку
Глядел, молчал Пахом,
Глядел – умом раскидывал
И молвил наконец:

«Ну! леший шутку славную
Над нами подшутил!
Никак ведь мы без малого
Верст тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться —
Устали – не дойдем,

Присядем, – делать нечего.
До солнца отдохнем!...»

Свалив беду на лешего,
Под лесом при дороженьке
Уселись мужики.
Зажгли костер, сложились,
За водкой двое сбегали,
А прочие покудова
Стаканчик изготовили,
Бересты понадрав.
Приспела скоро водочка.
Приспела и закусочка —
Пируют мужички!

Косушки ¹ по три выпили,
Поели – и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Роман кричит: помещику,
Демьян кричит: чиновнику,
Лука кричит: попу;
Купчине толстопузому, —
Кричат братаны Губины,
Иван и Митродор;
Пахом кричит: светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,

---

¹ Косушка – старинная мера жидкости, примерно 0,31 литра.

А Пров кричит: царю!

Забрало пуще прежнего
Задорных мужиков,
Ругательски ругаются,
Немудрено, что вцепятся
Друг другу в волоса...

Гляди – уж и вцепились!
Роман тузит Пахомушку,
Демьян тузит Луку.
А два братана Губины
Утюжат Прова дюжего, —
И всяк свое кричит!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать
Упрямых мужиков.
Царю! – направо слышится,
Налево отзывается:
Попу! попу! попу!
Весь лес переполошился,
С летающими птицами,
Зверями быстроногими
И гадами ползущими, —
И стон, и рев, и гул!

Всех прежде зайка серенький
Из кустика соседнего
Вдруг выскочил, как встрепанный,
И наутек пошел!
За ним галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, резкий писк.
А тут еще у пеночки
С испугу птенчик крохотный
Из гнездышка упал;
Щебечет, плачет пеночка,
Где птенчик? – не найдет!
Потом кукушка старая
Проснулась и надумала
Кому-то куковать;
Раз десять принималася,
Да всякий раз сбивалася
И начинала вновь...
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
Подавишься ты колосом —
Не будешь куковать! ²
Слетелися семь филинов,
Любуются побоищем
С семи больших деревьев,
Хохочут, полуночники!
А их глазищи желтые

---

² Кукушка перестает куковать, когда заколосится хлеб («подавившись колосом», говорит народ).

Горят, как воску ярого
Четырнадцать свечей!
И ворон, птица умная,
Приспел, сидит на дереве
У самого костра.
Сидит и черту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!
Корова с колокольчиком,
Что с вечера отбилася
От стада, чуть слышала
Людские голоса —
Пришла к костру, устала
Глаза на мужиков,
Шальных речей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

Мычит корова глупая,
Пищат галчата малые.
Кричат ребята буйные,
А эхо вторит всем.
Ему одна заботушка —
Честных людей поддразнивать,
Пугать ребят и баб!
Никто его не видывал,
А слышать всякий слыхивал,
Без тела — а живет оно,
Без языка — кричит!

Сова – замоскворецкая
Княгиня – тут же мычется,
Летает над крестьянами,
Шарахаясь то о землю,
То о кусты крылом...

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему,
Подкралась к мужикам,
Послушала, послушала
И прочь пошла, подумавши:
«И черт их не поймет!»
И вправду: сами спорщики
Едва ли знали, помнили —
О чем они шумят...

Намаяв бока порядочно
Друг другу, образумились
Крестьяне наконец,
Из лужицы напились,
Умылись, освежились,
Сон начал их кренить...
Тем часом птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
К костру подобрался.

Поймал его Пахомушка,

Поднес к огню, разглядывал
И молвил: «Пташка малая,
А ноготок востер!
Дыхну – с ладони скатишься,
Чихну – в огонь укатишься,
Щелкну – мертва покатишься,
А все ж ты, пташка малая,
Сильнее мужика!
Окрепнут скоро крылышки,
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!
Отдай свои нам крылышки,
Все царство облетим,
Посмотрим, поразведем,
Поспросим – и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?»

«Не надо бы и крылышек,
Кабы нам только хлебушка
По полупуду в день, —
И так бы мы Русь-матушку
Ногами перемеряли!» —
Сказал угрюмый Пров.

«Да по ведру бы водочки», —
Прибавили охочие
До водки братья Губины,

Иван и Митродор.

«Да утром бы огурчиков
Соленых по десяточку», —
Шутили мужики.

«А в полдень бы по жбанчику
Холодного кваску».

«А вечером по чайничку
Горячего чайку...»

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пеночка
Над ними: все прослушала
И села у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человеческим голосом
Пахому говорит:

«Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малого
Я выкуп дам большой».

— А что ты дашь? —
«Дам хлебушка
По полупуду в день,
Дам водки по ведерочку,
Полутру дам огурчиков,
А в полдень квасу кислого,

А вечером чайку!»

— А где, пичуга малая, —
Спросили братья Губины, —
Найдешь вина и хлебушка
Ты на семь мужиков? —

«Найти — найдете сами вы.
А я, пичуга малая,
Скажу вам, как найти».

— Скажи! —
«Идите по лесу,
Против столба тридцатого
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоят на той поляночке
Две старые сосны,
Под этими под соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее, —
Коробка та волшебная:
В ней скатерть самобраная,
Когда ни пожелаете,
Накормит, напоит!
Тихонько только молвите:
*«Эй! скатерть самобраная!
Попотчуй мужиков!»*
По вашему хотению,

По моему велению,
Все явится тотчас.
Теперь – пустите птенчика!»

– Постой! мы люди бедные,
Идем в дорогу дальнюю, —
Ответил ей Пахом. —
Ты, вижу, птица мудрая,
Уважь – одежду старую
На нас заворижи!

– Чтоб армяки мужицкие
Носились, не сносились! —
Потребовал Роман.

– Чтоб липовые лапотки
Служили, не разбились, —
Потребовал Демьян.

– Чтоб вошь, блоха паскудная
В рубахах не плодилася, —
Потребовал Лука.

– Не прели бы онученьки... —
Потребовали Губины...

А птичка им в ответ:
«Все скатерть самобраная
Чинить, стирать, просушивать

Вам будет... Ну, пусти!...»

Раскрыв ладонь широкую,
Пахом птенца пустил.
Пустил – и птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
Направился к дуплу.
За ним взвилася пеночка
И на лету прибавила:
«Смотрите, чур, одно!
Съестного сколько вынесет
Утроба – то и спрашивай,
А водки можно требовать
В день ровно по ведру.
Коли вы больше спросите,
И раз и два – исполнится
По вашему желанию,
А в третий быть беде!»
И улетела пеночка
С своим родимым птенчиком,
А мужики гуськом
К дороге потянулись
Искать столба тридцатого.
Нашли! – Молчком идут
Прямехонько, вернехонько
По лесу по дремучему,
Считают каждый шаг.
И как версту отмеряли,

Увидели поляночку —
Стоят на той поляночке
Две старые сосны...
Крестьяне покопались,
Достали ту коробочку,
Открыли – и нашли
Ту скатерть самобраную!
Нашли и разом вскрикнули:
«Эй, скатерть самобраная!
Попотчуй мужиков!»
Глядь – скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.
«А что же нет огурчиков?»
«Что нет чайку горячего?»
«Что нет кваску холодного?»
Все появилось вдруг...
Крестьяне распоясались,
У скатерти уселися.
Пошел тут пир горой!
На радости целуются,
Друг дружке обещаются
Вперед не драться зря,
А с толком дело спорное
По разуму, по-божески,
На чести повести —

В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда делу спорному
Решенья не найдут,
Покуда не доведает
Как ни на есть доподлинно:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Зарок такой поставивши,
Под утро как убитые
Заснули мужики...

Глава I. ПОП

Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Далеко протянулася,
Песчана и глуха.
По сторонам дороженьки
Идут холмы пологие
С полями, с сенокосами,
А чаще с неудобною,
Заброшенной землей;
Стоят деревни старые,
Стоят деревни новые,
У речек, у прудов...
Леса, луга поемные ³,

Ручьи и реки русские
Весною хороши.
Но вы, поля весенние!
На ваши всходы бедные
Невесело глядеть!
«Недаром в зиму долгую
(Толкуют наши странники)

---

³ Поемные луга – расположенные в пойме реки. Когда спадала заливавшая их во время паводка река, на почве оставался слой естественных удобрений, поэтому и поднимались здесь высокие травы. Такие луга особенно ценились.

Снег каждый день валил.
Пришла весна – сказался снег!
Он смирен до поры:
Летит – молчит, лежит – молчит,
Когда умрет, тогда ревет.
Вода – куда ни глянь!
Поля совсем затоплены,
Навоз возить – дороги нет,
А время уж не раннее —
Подходит месяц май!»
Нелюбо и на старые,
Больней того на новые
Деревни им глядеть.
Ой избы, избы новые!
Нарядны вы, да строит вас
Не лишняя копеечка,
А кровная беда!..

С утра встречались странникам
Все больше люди малые:
Свой брат крестьянин-лапотник,
Мастеровые, нищие,
Солдаты, ямщики.
У нищих, у солдатиков
Не спрашивали странники,
Как им – легко ли, трудно ли
Живется на Руси?
Солдаты шилом бреются,
Солдаты дымом греются —

Какое счастье тут?..

Уж день клонился к вечеру,
Идут путем-дорогою,
Навстречу едет поп.

Крестьяне сняли шапочки.
Низенько поклонились,
Повыстроились в ряд
И мерину саврасому
Загородили путь.
Священник поднял голову,
Глядел, глазами спрашивал:
Чего они хотят?

«Небось! мы не грабители!» —
Сказал попу Лука.
(Лука – мужик присадистый,
С широкой бородищею.
Упрям, речист и глуп.
Лука похож на мельницу:
Одним не птица мельница,
Что, как ни машет крыльями,
Небось не полетит.)

«Мы мужики степенные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,

Пустопорожней волости,
Окольных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож.
Идем по делу важному:
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово верное
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По совести, по разуму,
По правде отвечать,
Не то с своей заботушкой
К другому мы пойдём...»

— Даю вам слово верное:
Коли вы дело спросите,
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно отвечать.
Аминь!.. —

«Спасибо. Слушай же!
Идя путем-дорогою,

Сошлись мы невзначай,
Сошлись и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
А я сказал: попу.
Купчине толстопузому, —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь: как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши — повздорили,
Повздоривши — подралися,
Подравшись — одумали:
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,

Покуда не доведем
Как ни на есть – доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?
Скажи ж ты нам по-божески:
Сладка ли жизнь поповская?
Ты как – вольготно, счастливо
Живешь, честной отец?..»

Потупился, задумался,
В тележке сидя, поп
И молвил: – Православные!
Роптать на Бога грех,
Несу мой крест с терпением,
Живу... а как? Послушайте!
Скажу вам правду-истину,
А вы крестьянским разумом
Смекайте! —
«Начинай!»

– В чем счастье, по вашему?
Покой, богатство, честь —
Не так ли, други милые?

Они сказали: «Так»...

– Теперь посмотрим, братия,
Каков попу *покой*?
Начать, признаться, надо бы

Почти с рожденья самого,
Как достается грамота
поповскому сынку,
Какой ценой поповичем
Священство ⁴ покупается,
Да лучше помолчим!

.....
.....

Дороги наши трудные.
Приход ⁵ у нас большой.
Болящий, умирающий,
Рождающийся в мир
Не избирают времени:
В жнитво и в сенокос,
В глухую ночь осеннюю,
Зимой, в морозы лютые,
И в половодье вешнее —
Иди куда зовут!
Идешь безотговорочно.
И пусть бы только косточки
Ломались одни, —
Нет! всякий раз намается,
Переболит душа.

---

⁴ Имеется в виду то обстоятельство, что до 1869 г. выпускник семинарии мог получить приход лишь в том случае, когда женился на дочери священника, оставившего свой приход. Считалось, что таким образом поддерживается «чистота сословия».

⁵ Приход – объединение верующих.

Не верьте, православные,
Привычке есть предел:
Нет сердца, выносящего
Без некоего трепета
Предсмертное хрипение,
Надгробное рыдание,
Сиротскую печаль!
Аминь!.. Теперь подумайте.
Каков попу покой?..

Крестьяне мало думали,
Дав отдохнуть священнику,
Они с поклоном молвили:
«Что скажешь нам еще?»

– Теперь посмотрим, братия,
Каков попу *почет*?
Задача щекотливая,
Не прогневить бы вас...

Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребьячьей?
Чур! отвечать на спрос!

Крестьяне позамялися.
Молчат – и поп молчит...

– С кем встречи вы боитесь,

Идя путем-дорогою?
Чур! отвечать на спрос!

Кряхтят, переминаются,
Молчат!

– О ком слагаете
Вы сказки балагурные,
И песни непристойные,
И всякую хулу?..

Мать-попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого —
Как чувствуете вы?
Кому вдогон, как мерину,
Кричите: го-го-го?..

Потупились ребятушки,
Молчат – и поп молчит...
Крестьяне думу думали,
А поп широкой шляпою
В лицо себе помахивал
Да на небо глядел.
Весной, что внуки малые,
С румяным солнцем-дедушкой
Играют облака:
Вот правая сторонushка
Одной сплошную тучею
Покрылась – затуманилась,

Стемнела и заплакала:
Рядами нити серые
Повисли до земли.
А ближе, над крестьянами,
Из небольших, разорванных,
Веселых облачков
Смеется солнце красное,
Как девка из снопов.
Но туча передвинулась,
Поп шляпой накрывается —
Быть сильному дождю.
А правая сторонushка
Уже светла и радостна,
Там дождь перестает.
Не дождь, там чудо божие:
Там с золотыми нитками
Развешаны мотки...

«Не сами... по родителям
Мы так-то...» – братья Губины
Сказали наконец.
И прочие поддакнули:
«Не сами, по родителям!»
А поп сказал: – Аминь!
Простите, православные!
Не в осужденье ближнего,
А по желанью вашему
Я правду вам сказал.
Таков почет священнику

В крестьянстве. А помещики...

«Ты мимо их, помещиков!
Известны нам они!»

– Теперь посмотрим, братия,
Откудова *богачество*
Поповское идет?..
Во время недалекое
Империя российская
Дворянскими усадьбами
Была полным-полна.
И жили там помещики,
Владельцы именитые,
Каких теперь уж нет!
Плодились и множились
И нам давали жить.
Что свадеб там игралось,
Что деток нарождалось
На даровых хлебах!
Хоть часто крутонравные,
Однако доброхотные
То были господа,
Прихода не чуждались:
У нас они венчались,
У нас крестили детушек,
К нам приходили каяться,
Мы отпевали их,
А если и случалось,

Что жил помещик в городе,
Так умирать наверное
В деревню приезжал.
Коли умрет нечаянно,
И тут накажет накрепко
В приходе схоронить.
Глядишь, ко храму сельскому
На колеснице траурной
В шесть лошадей наследники
Покойника везут —
Попу поправка добрая,
Мирянам праздник праздником...
А ныне уж не то!
Как племя иудейское,
Рассеялись помещики
По дальней чужеземщине
И по Руси родной.
Теперь уж не до гордости
Лежать в родном владении
Рядком с отцами, с дедами,
Да и владенья многие
Барышникам пошли.
Ой холеные косточки
Российские, дворянские!
Где вы не позакопаны?
В какой земле вас нет?

Потом, статья... раскольники ⁶...

---

⁶ Раскольники – противники реформ патриарха Никона (XVII в.).

Не грешен, не жилися я
С раскольников ничем.
По счастью, нужды не было:
В моем приходе числится
Живущих в православии
Две трети прихожан ⁷.
А есть такие волости,
Где сплошь почти раскольники,
Так тут как быть попу?

Все в мире переменчиво,
Прейдет и самый мир...
Законы, прежде строгие
К раскольникам, смягчились,
А с ними и поповскому
Доходу мат ⁸ пришел.
Перевелись помещики,
В усадьбах не живут они
И умирать на старости
Уже не едут к нам.
Богатые помещицы,
Старушки богомольные,
Которые повымерли,
Которые пристроились
Вблизи монастырей,
Никто теперь подрясника
Попу не подарит!

---

⁷ Прихожане – постоянные посетители церковного прихода.

⁸ Мат – зд.: конец. Мат – конец игры в шахматах.

Никто не вышьет воздухов ⁹...

Живи с одних крестьян,
Сбирай мирские гривенки,
Да пироги по праздникам,
Да яйца о святой.
Крестьянин сам нуждается,
И рад бы дать, да нечего...

А то еще не всякому
И мил крестьянский грош.
Угоды наши скудные,
Пески, болота, мхи,
Скотинка ходит впроголодь,
Родится хлеб сам-друг ¹⁰,
А если и раздоберется
Сыра земля-кормилица,
Так новая беда:
Деваться с хлебом некуда!
Припрет нужда, продашь его
За сухую безделицу,
А там – неурожай!
Тогда плати втридорога,
Скотинку продавай.

---

⁹ Воздухи – вышитые покрывала из бархата, парчи или шелка, применявшиеся при совершении церковных обрядов.

¹⁰ Сам – первая часть неизменяемых сложных прилагательных с числительными порядковыми или количественными, со значением «во столько-то раз больше». Хлеб сам-друг – урожай, в два раза больший, чем количество посеянного зерна.

Молитесь, православные!
Грозит беда великая
И в нынешнем году:
Зима стояла лютая,
Весна стоит дождливая,
Давно бы сеять надобно,
А на полях – вода!
Умилосердись, господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса ¹¹!
(Сняв шляпу, пастырь крестится,
И слушатели тож.)
Деревни наши бедные,
А в них крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вечные,
Господь прибавь им сил!
С таких трудов копейками
Живиться тяжело!
Случается, к недужному
Придешь: не умирающий,
Страшна семья крестьянская
В тот час, как ей приходится
Кормильца потерять!
Напутствуешь усопшего
И поддержать в оставшихся

---

¹¹ Крутая радуга – к вёдру; пологая – к дождю.

По мере сил стараешься
Дух бодр! А тут к тебе
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется с костлявою,
Мозолистой рукой.
Душа переверотится,
Как звякнут в этой рученьке
Два медных пятака ¹²!
Конечно, дело чистое —
За потребу ¹³ воздаяние,
Не брать — так нечем жить.
Да слово утешения
Замрет на языке,
И словно как обиженный
Уйдешь домой... Аминь...

Покончил речь — и мерина
Хлестнул легонько поп.
Крестьяне расступились,
Низенько поклонились.
Конь медленно побрел.
А шестеро товарищей,
Как будто сговорились,
Накинулись с упреками,
С отборной крупной руганью
На бедного Луку:
— Что, взял? башка упрямая!

---

¹² Пятак — медная монета достоинством 5 копеек.

¹³ Треба — «отправление таинства или священного обряда» (В.И. Даль).

Дубина деревенская!
Туда же лезет в спор! —
«Дворяне колокольные —
Попы живут по-княжески.
Идут под небо самое
Поповы терема,
Гудит попова вотчина —
Колокола горластые —
На целый божий мир.
Три года я, робятушки,
Жил у попа в работниках,
Малина – не житье!
Попова каша – с маслицем.
Попов пирог – с начинкою,
Поповы щи – с сметком ¹⁴!
Жена попова толстая,
Попова дочка белая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Как колокол гудёт!»
– Ну, вот тебе хваленое
Поповское житье!
Чего орал, куражился?
На драку лез, анафема ¹⁵?
Не тем ли думал взять,
Что борода лопатую?
Так с бородой козел

---

¹⁴ Сметок – дешевая мелкая рыбка, озерная корюшка.

¹⁵ Анафема – церковное проклятие.

Гулял по свету ранее,
Чем праотец Адам,
А дураком считается
И посейчас козел!..

Лука стоял, помалчивал,
Боялся, не наклали бы
Товарищи в бока.
Оно быть так и сталося,
Да к счастью крестьянина
Дорога позагнулася —
Лицо попово строгое
Явилось на бугре...

ГЛАВА II. СЕЛЬСКАЯ ЯРМОНКА ¹⁶

Недаром наши странники
Поругивали мокрую,
Холодную весну.
Весна нужна крестьянину
И ранняя и дружная,
А тут – хоть волком вой!
Не греет землю солнышко,
И облака дождливые,
Как дойные коровушки,
Идут по небесам.
Согнало снег, а зелени
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одевается
Зеленым ярким бархатом
И, как мертвец без савана,
Лежит под небом пасмурным
Печальна и нага.

Жаль бедного крестьянина,
А пуще жаль скотинушку;
Скормив запасы скудные,
Хозяин хворостиною

---

¹⁶ Ярмонка – т.е. ярмарка.

Прогнал ее в луга,
А что там взять? Чернехонько!
Лишь на Николу вешнего ¹⁷
Погода поуставилась,
Зеленой свежей травушкой
Полакомился скот.

День жаркий. Под березками
Крестьяне пробираются,
Гуторят меж собой:
«Идем одной деревнею,
Идем другой – пустехонько!
А день сегодня праздничный,
Куда пропал народ?..»
Идут селом – на улице
Одни ребята малые,
В домах – старухи старые,
А то и вовсе заперты
Калитки на замок.
Замок – собачка верная:
Не лает, не кусается,
А не пускает в дом!
Прошли село, увидели
В зеленой раме зеркало:
С краями полный пруд.
Над прудом реют ласточки;
Какие-то комарики,

---

¹⁷ Никола вешний – религиозный праздник, отмечавшийся 9 мая по старому стилю (22 мая по новому стилю).

Проворные и тощие,
Вприпрыжку, словно посуху,
Гуляют по воде.
По берегам, в раkitнике,
Коростели скрипят.
На длинном, шатком плотике
С вальком поповна толстая
Стоит, как стог подщипанный,
Подтыкавши подол.
На этом же на плотике
Спит уточка с утятами...
Чу! лошадиный храп!
Крестьяне разом глянули
И над водой увидели
Две головы: мужицкую.
Курчавую и смуглую,
С серьгой (мигало солнышко
На белой той сереге),
Другую – лошадиную
С веревкой сажен в пять.
Мужик берет веревку в рот,
Мужик плывет – и конь плывет,
Мужик заржал – и конь заржал.
Плывут, орут! Под бабою,
Под малыми утятами
Плот ходит ходенем.

Догнал коня – за холку хватить!
Вскочил и на луг выехал

Детина: тело белое,
А шея как смола;
Вода ручьями катится
С коня и с седока.

«А что у вас в селении
Ни старого ни малого,
Как вымер весь народ?»
– Ушли в село Кузьминское,
Сегодня там и ярмонка
И праздник храмовой. —
«А далеко Кузьминское?»

– Да будет версты три.

«Пойдем в село Кузьминское,
Посмотрим праздник-ярмонку!» —
Решили мужики,
А про себя подумали:
«Не там ли он скрывается,
Кто счастливо живет?..»

Кузьминское богатое,
А пуще того – грязное
Торговое село.
По косогору тянется,
Потом в овраг спускается.
А там опять на горочку —
Как грязи тут не быть?

Две церкви в нем старинные,
Одна старообрядская,
Другая православная,
Дом с надписью: училище,
Пустой, забитый наглухо,
Изба в одно окошечко,
С изображеньем фельдшера,
Пускающего кровь.
Есть грязная гостиница,
Украшенная вывеской
(С большим носатым чайником
Поднос в руках подносчика,
И маленькими чашками,
Как гусыня гусятами,
Тот чайник окружен),
Есть лавки постоянные
Вподобие уездного
Гостиного двора...

Пришли на площадь странники:
Товару много всякого
И видимо-невидимо
Народу! Не потеха ли?
Кажись, нет ходу крестного ¹⁸,
А, словно пред иконами,
Без шапок мужики.
Такая уж сторонушка!

---

¹⁸ Крестный ход – торжественное шествие верующих с крестами, иконами, хоругвями.

Гляди, куда деваются
Крестьянские шлыки ¹⁹:
Помимо склада винного,
Харчевни, рестораны,
Десятка штофных лавочек,
Трех постоянных дворигов,
Да «ренского погреба»,
Да пары кабаков ²⁰.
Одиннадцать кабачников
Для праздника поставили
Палатки ²¹ на селе.
При каждой пять подносчиков;
Подносчики – молодчики
Наметанные, дошлые,
А все им не успеть,
Со сдачей не управиться!
Гляди, что протянулося
Крестьянских рук со шляпами,
С платками, с рукавицами.
Ой жажда православная,
Куда ты велика!
Лишь окатить бы душеньку,
А там добудут шапочки,
Как отойдет базар.

---

¹⁹ Шлык – «шапка, шапчонка, чепец, колпак» (В.И. Даль).

²⁰ Кабак – «питейный дом, место продажи водки, иногда также пива и меду» (В.И. Даль).

²¹ Палатка – временное помещение для торговли, обычно – легкий остов, покрытый холстом, позже – брезентом.

По пьяным по головушкам
Играет солнце вешнее...
Хмельно, горластно, празднично,
Пестро, красно кругом!
Штаны на парнях плисовые,
Жилетки полосатые,
Рубахи всех цветов;
На бабах платья красные,
У девок косы с лентами,
Лебедками плывут!
А есть еще затейницы,
Одеты по-столичному —
И ширится, и дуется
Подол на обручах!
Заступишь – расфуфырятся!
Вольно же, новомодницы,
Вам снасти рыболовные
Под юбками носить!
На баб нарядных глядячи,
Старообрядка злющая
Товарке говорит:
«Быть голоду! быть голоду!
Дивись, как всходы вымокли,
Что половодье вешнее
Стоит до Петрова!
С тех пор, как бабы начали
Рядиться в ситцы красные, —
Леса не поднимаются,

А хлеба хоть не сей!»

– Да чем же ситцы красные
Тут провинились, матушка?
Ума не приложу! —
«А ситцы те французские ²² —
Собачьей кровью крашены!
Ну... поняла теперь?..»

По конной ²³ потолкались,
По взгорю, где навалены
Косули ²⁴, грабли, бороны,
Багры, станки тележные ²⁵,
Ободья, топоры.
Там шла торговля бойкая,
С божбою, с прибаутками,
С здоровым, громким хохотом.
И как не хохотать?
Мужик какой-то крохотный
Ходил, ободья пробовал:
Погнул один – не нравится,

---

²² Французские ситцы – ситцы пунцового цвета, обычно окрашенные с использованием марены, краски из корней травянистого многолетнего растения.

²³ Конная – часть ярмарки, на которой торговали лошадьми.

²⁴ Косуля – вид тяжелой сохи или легкого плуга с одним лемехом, который отваливал землю только в одну сторону. В России косуля обычно применялась в северо-восточных районах.

²⁵ Станок тележный – основная часть четырехколесной повозки, телеги. На ней держится кузов, колеса и оси.

Погнул другой, потужился.
А обод как распрямится —
Щелк по лбу мужика!
Мужик ревет над ободом,
«Вязовою дубиною»
Ругает драчуна.
Другой приехал с разною
Поделкой деревянною —
И вывалил весь воз!
Пьяненок! Ось сломалася,
А стал ее уделывать —
Топор сломал! Раздумался
Мужик над топором,
Бранит его, корит его,
Как будто дело делает:
«Подлец ты, не топор!
Пустую службу, плевую
И ту не сослужил.
Всю жизнь свою ты кланялся,
А ласков не бывал!»

Пошли по лавкам странники:
Любуются платочками,
Ивановскими ситцами,
Шлеями ²⁶, новой обувью,
Издельем кимряков ²⁷.

---

²⁶ Шлея – часть сбруи, облегающая бока и круп лошади, обычно кожаная.

²⁷ Кимряки – жители города Кимры. Во времена Некрасова это было большое село, 55% жителей которого были сапожниками.

У той сапожной лавочки
Опять смеются странники:
Тут башмачки козловые
Дед внучке торговал,
Пять раз про цену спрашивал,
Вертел в руках, оглядывал:
Товар первейший сорт!
«Ну, дядя! два двугривенных
Плати, не то проваливай!» —
Сказал ему купец.
— А ты постой! — Любуется
Старик ботинкой крохотной,
Такую держит речь:
— Мне зять — плевать, и дочь смолчит,
Жена — плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль! Повесилась
На шею, егоза:
«Купи гостинчик, дедушка.
Купи!» — Головкой шелковой
Лицо щекочет, ластится,
Целует старика.
Постой, ползунья босая!
Постой, юла! Козловые
Ботиночки куплю...
Расхвастался Вавилушка,
И старому и малому
Подарков насулил,
А пропился до грошика!
Как я глаза бесстыжие

Домашним покажу?..

Мне зять – плевать, и дочь смолчит,
Жена – плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль!.. – Пошел опять
Про внучку! Убивается!..

Народ собрался, слушает,
Не смеючись, жалеючи;
Случись, работой, хлебушком
Ему бы помогли,
А вынуть два двугривенных —
Так сам ни с чем останешься.
Да был тут человек,
Павлуша Веретенников
(Какого роду, звания,
Не знали мужики,
Однако звали «барином».
Горазд он был балясничать,
Носил рубаху красную,
Поддевочку суконную,
Смазные сапоги;
Пел складно песни русские
И слушать их любил.
Его видали многие
На постоянных двориках,
В харчевнях, в кабаках.)
Так он Вавилу выручил —
Купил ему ботиночки.

Вавило их схватил
И был таков! – На радости
Спасибо даже барину
Забыл сказать старик,
Зато крестьяне прочие
Так были разутешены,
Так рады, словно каждого
Он подарил рублем!
Была тут также лавочка
С картинами и книгами,
Офени ²⁸ запасались
Своим товаром в ней.
«А генералов надобно?» —
Спросил их купчик-выжига.
«И генералов дай!
Да только ты по совести,
Чтоб были настоящие —
Потолще, погрозней».

«Чудные! как вы смотрите! —
Сказал купец с усмешкою, —
Тут дело не в комплекции...»

– А в чем же? шутишь, друг!
Дрянь, что ли, сбыть желательно?
А мы куда с ней денемся?

---

²⁸ Офеня – коробейник, «мелочный торгаш вразноску и вразвозку по малым городам, селам, деревням, с книгами, бумагой, шелком, иглами, с сыром и колбасой, с серьгами и колечками» (В.И. Даль).

Шалишь! Перед крестьянином
Все генералы равные,
Как шишки на ели:
Чтобы продать плюгавого,

Попасть на доку ²⁹ надобно,
А толстого да грозного
Я всякому всучу...
Давай больших, осанистых,
Грудь с гору, глаз навывате,
Да чтобы больше звезд! ³⁰

«А статских ³¹ не желаете?»
– Ну, вот еще со статскими! —
(Однако взяли – дешево! —
Какого-то сановника ³²
За брюхо с бочку винную
И за семнадцать звезд.)
Купец – со всем почтением,
Что любо, тем и потчует
(С Лубянки ³³ – первый вор!) —
Спустил по сотне Блюхера ³⁴,

---

²⁹ Дока – «мастер своего дела» (В.И. Даль).

³⁰ Т.е. больше орденов.

³¹ Т.е. не военных, а штатских (тогда – статских).

³² Сановник – чиновник высокого уровня.

³³ Лубянка – улица и площадь в Москве, в XIX в. центр оптовой торговли лубочными картинками и книгами.

³⁴ Блюхер Гебхард Леберехт – прусский генерал, главнокомандующий прусско-

Архимандрита Фотия ³⁵,
Разбойника Сипко ³⁶,
Сбыл книги: «Шут Балакирев» ³⁷
И «Английский милорд» ³⁸...

Легли в коробку книжечки,
Пошли гулять портретики
По царству всероссийскому,
Покамест не пристроятся
В крестьянской летней горенке,
На невысокой стеночке...
Черт знает для чего!

Эх! эх! придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!...)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,

саксонской армии, решившей исход битвы под Ватерлоо и разбившей Наполеона. Военные успехи сделали имя Блюхера весьма популярным в России.

³⁵ Архимандрит Фотий – в миру Петр Никитич Спасский, деятель русской церкви 20-х гг. XIX в., неоднократно вышучивался в эпиграммах А.С. Пушкина, например «Разговор Фотия с гр. Орловой», «На Фотия».

³⁶ Разбойник Сипко – авантюрист, выдававший себя за разных людей, в т.ч. за капитана в отставке И.А. Сипко. В 1860 г. суд над ним привлек ажиотажное внимание публики.

³⁷ «Шут Балакирев» – популярный сборник анекдотов: «Балакирева полное собрание анекдотов шута, бывшего при дворе Петра Великого».

³⁸ «Английский милорд» – популярнейшее в ту пору сочинение писателя XVIII века Матвея Комарова «Повесть о приключениях английского милорда Георга и о его бранденбургской Марк-графине Фридерике Луизе».

Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?
Ой люди, люди русские!
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать...

«И рад бы в рай, да дверь-то
где?» —
Такая речь врывается
В лавчонку неожиданно.
— Тебе какую дверь? —
«Да в балаган. Чу! музыка!...»
— Пойдем, я укажу! —

Про балаган прослышавши,
Пошли и наши странники
Послушать, поглазеть.
Комедию с Петрушкою,

С козою ³⁹ с барабанщицей ⁴⁰
И не с простой шарманкою,
А с настоящей музыкой
Смотрели тут они.
Комедия не мудрая,
Однако и не глупая,
Хожалому, квартальному
Не в бровь, а прямо в глаз!
Шалаш полным-полнехонек.
Народ орешки щелкает,
А то два-три крестьянина
Словечком перекинутся —
Гляди, явилась водочка:
Посмотрят да попьют!
Хохочут, утешаются
И часто в речь Петрушкину
Вставляют слово меткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!

Такие есть любители —
Как кончится комедия,
За ширмочки пойдут,
Целуются, братаются,
Гуторят с музыкантами:
«Откуда, молодцы?»

---

³⁹ Коза – так в народном театре-балагане называли актера, на голове которого была укреплена козья голова из мешковины.

⁴⁰ Барабанщица – барабанным боем на представления привлекали публику.

– А были мы господские,
Играли на помещика.
Теперь мы люди вольные,
Кто поднесет-попотчует,
Тот нам и господин!

«И дело, други милые,
Довольно бар вы тешили,
Потешьте мужиков!
Эй! малый! сладкой водочки!
Наливки! чаю! полпива!
Цимлянского – живей!..»

И море разливанное
Пойдет, щедрее барского
Ребятток угостят.

Не ветры веют буйные,
Не мать-земля колыхнется —
Шумит, поет, ругается,
Качается, валяется,
Дерется и целуется
У праздника народ!
Крестьянам показалось,
Как вышли на пригорочек,
Что все село шатается,
Что даже церковь старую
С высокой колокольнею
Шатнуло раз-другой! —

Тут трезвому, что голому,
Неловко... Наши странники
Прошлись еще по площади
И к вечеру покинули
Бурливое село...

ГЛАВА III. ПЬЯНАЯ НОЧЬ

Не ригой ⁴¹, не амбарами,
Не кабаком, не мельницей,
Как часто на Руси,
Село кончалось низеньким
Бревенчатым строением
С железными решетками
В окошках небольших.
За тем этапным зданием
Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Открылась тут как тут.
По будням малолюдная,
Печальная и тихая,
Не та она теперь!

По всей по той дороженьке
И по окольным тропочкам,
Докуда глаз хватал,
Ползли, лежали, ехали.
Барахтались пьяные
И стоном стон стоял!

Скрыпят телеги грузные,

---

⁴¹ Рига – сарай для сушки снопов и молотьбы (с крышей, но почти без стен).

И, как телячьи головы,
Качаются, мотаются
Победные головушки
Уснувших мужиков!

Народ идет – и падает,
Как будто из-за валиков
Картечью неприятели
Палят по мужикам!

Ночь тихая спускается,
Уж вышла в небо темное
Луна, уж пишет грамоту
Господь червонным золотом
По синему по бархату,
Ту грамоту мудреную,
Которой ни разумникам,
Ни глупым не прочесть.

Дорога стоголосая
Гудит! Что море синее,
Смолкает, подымается
Народная молва.

«А мы полтинник ⁴² писарю:
Прошение изготовили
К начальнику губернии...»

---

⁴² Полтинник – монета достоинством 50 копеек.

«Эй! с возу куль упал!»

«Куда же ты, Оленушка?
Постой! еще дам пряничка,
Ты, как блоха проворная,
Наелась – и упрыгнула.
Погладить не далась!»

«Добра ты, царска грамота ⁴³,
Да не про нас ты писана...»
«Посторонись, народ!»
(Акцизные ⁴⁴ чиновники
С бубенчиками, с бляхами
С базара пронеслись.)

«А я к тому теперича:
И веник дрянь, Иван Ильич,
А погуляет по полу,
Куда как напылит!»

«Избави Бог, Парашенька,
Ты в Питер не ходи!
Такие есть чиновники,
Ты день у них кухаркою,
А ночь у них сударкою ⁴⁵ —

---

⁴³ Царска грамота – царское письмо.

⁴⁴ Акциз – один из видов налога на предметы массового спроса.

⁴⁵ Сударка – любовница.

Так это наплевать!»
«Куда ты скачешь, Саввушка?»
(Кричит священник сотскому ⁴⁶
Верхом, с казенной бляхою.)
– В Кузьминское скачу
За становым. Оказия:
Там впереди крестьянина
Убили... – «Эх!.. грехи!..»

«Худа ты стала, Дарьюшка!»
– Не веретенце ⁴⁷, друг!
Вот то, чем больше вертится,
Пузатее становится,
А я как день-деньской...

«Эй парень, парень глупенький,
Оборванный, паршивенький,
Эй, полюби меня!
Меня, простоволосую,
Хмельную бабу, старую,
Зааа-паааа-чканную!..»

Крестьяне наши трезвые,
Поглядывая, слушая,
Идут своим путем.
Средь самой средь дороженьки
Какой-то парень тихонький

---

⁴⁶ Сотский – выборный от крестьян, который выполнял полицейские функции.

⁴⁷ Веретено – ручной инструмент для пряжи.

Большую яму выкопал.
«Что делаешь ты тут?»
— А хороню я матушку! —
«Дурак! какая матушка!
Гляди: поддевку новую
Ты в землю закопал!
Иди скорей да хрюкалом
В канаву ляг, воды испей!
Авось, соскочит дурь!»

«А ну, давай потянемся!»

Садятся два крестьянина,
Ногами упираются,
И жиятся, и тужатся,
Кряхтят — на скалке тянутся,
Суставчики трещат!
На скалке не понравилось:
«Давай теперь попробуем
Тянуться бородой!»
Когда порядком бороды
Друг дружке поубавили,
Вцепились за скулы!
Пыхтят, краснеют, корчатся,
Мычат, визжат, а тянутся!
«Да будет вам, проклятые!
Не разольешь водой!»

В канаве бабы ссорятся,

Одна кричит: «Домой идти
Тошнее, чем на каторгу!»
Другая: – Врешь, в моем дому
Похуже твоего!
Мне старший зять ребро сломал,
Средний зять клубок украл,
Клубок плевков, да дело в том —
Полтинник был замотан в нем,
А младший зять все нож берет,
Того гляди убьет, убьет!..

«Ну полно, полно, миленький!
Ну, не сердись! – за валиком
Неподалеку слышится. —
Я ничего... пойдём!»
Такая ночь бедовая!
Направо ли, налево ли
С дороги поглядишь:
Идут друженько парочки,
Не к той ли роще правятся?
Та роща манит всякого,
В той роще голосистые
Соловушки поют...

Дорога многолюдная
Что позже – безобразнее:
Все чаще попадают
Избитые, ползущие,
Лежащие пластом.

Без ругани, как водится,
Словечко не промолвится,
Шальная, непотребная,
Слышней всего она!
У кабаков смятение,
Подводы перепутались,
Испуганные лошади
Без седоков бегут;
Тут плачут дети малые.
Тоскуют жены, матери:
Легко ли из питейного
Дозваться мужиков?..

У столбика дорожного
Знакомый голос слышится,
Подходят наши странники
И видят: Веретенников
(Что башмачки козловые
Вавиле подарил)
Беседует с крестьянами.
Крестьяне открываются
Миляге по душе:
Похвалит Павел песенку —
Пять раз споют, записывай!
Понравится пословица —
Пословицу пиши!
Позаписав достаточно,
Сказал им Веретенников:
«Умны крестьяне русские,

Одно нехорошо,
Что пьют до одурения,
Во рвы, в канавы валяются —
Обидно поглядеть!»

Крестьяне речь ту слушали,
Поддакивали барину.
Павлуша что-то в книжечку
Хотел уже писать.
Да выискался пьяненький
Мужик, — он против барина
На животе лежал,
В глаза ему поглядывал,
Помалчивал — да вдруг
Как вскочит! Прямо к барину —
Хватъ карандаш из рук!
— Постой, башка порожняя!
Шальных вестей, бессовестных
Про нас не разноси!
Чему ты позавидовал!
Что веселится бедная
Крестьянская душа?

Пьем много мы по времени,
А больше мы работаем.
Нас пьяных много видится,
А больше трезвых нас.
По деревням ты хаживал?
Возьмем ведро с водкою,

Пойдем-ка по избам:
В одной, в другой навалятся,
А в третьей не притронутся —
У нас на семью пьющую
Непьющая семья!
Не пьют, а также маются,
Уж лучше б пили, глупые,
Да совесть такова...
Чудно смотреть, как ввалится
В такую избу трезвую
Мужицкая беда, —
И не глядел бы!.. Видывал
В страду деревни русские?
В питейном, что ль, народ?
У нас поля обширные,
А не гораздо щедрые,
Скажи-ка, чьей рукой
С весны они оденутся,
А осенью разденутся?
Встречал ты мужика
После работы вечером?
На пожне гору добрую
Поставил, съел с горошину:
«Эй! богатырь! соломинкой
Сшибу, посторонись!»

Сладка еда крестьянская,
Весь век пила железная

Жует, а есть не ест!
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на еду не плачемся...
Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!
А есть еще губитель-тать ⁴⁸
Четвертый, злей татарина,
Так тот и не поделится,
Все слопает один!
У нас пристал третьеводни
Такой же барин плохонькой,
Как ты, из-под Москвы.
Записывает песенки,
Скажи ему пословицу,
Загадку загани.
А был другой – допытывал,
На сколько в день сработаешь,
По малу ли, по многу ли
Кусков пихаешь в рот?
Иной угоды меряет,
Иной в селенье жителей
По пальцам перечтет,
А вот не сосчитали же,
По сколько в лето каждое
Пожар пускает на ветер
Крестьянского труда?..

---

⁴⁸ Тать – «вор, хищник, похититель» (В.И. Даль).

Нет меры хмелю русскому.
А горе наше меряли?
Работе мера есть?
Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?
Мужик беды не меряет,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвет.
Так неужли над чаркою
Задуматься, что с лишнего
В канаву угодишь?
А что глядеть зазорно вам,
Как пьяные валяются,
Так погляди поди,
Как из болота волоком
Крестьяне сено мокрое,
Скосивши, волокут:
Где не пробраться лошади,
Где и без ноши пешему
Опасно перейти,
Там рать-орда крестьянская
По кочам ⁴⁹, по зажоринам ⁵⁰

---

⁴⁹ Коча – форма слова «кочка» в ярославско-костромском говоре.

⁵⁰ Зажорина – подснежная вода в яме по дороге.

Ползком ползет с плетюхами ⁵¹ —
Трещит крестьянский пуп!

Под солнышком без шапочек,
В поту, в грязи по макушку,
Осокою изрезаны,
Болотным гадом-мошкою
Изъеденные в кровь, —
Небось мы тут красивее?

Жалеть – жалей умеючи,
На мерочку господскую
Крестьянина не мерь!
Не белоручки нежные,
А люди мы великие
В работе и в гульбе!..

У каждого крестьянина
Душа что туча черная —
Гневна, грозна, – и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям,
А все вином кончается.
Пошла по жилам чарочка —
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тут надобно,
Гляди кругом – возрадуйся!

---

⁵¹ Плетюха – в северных говорах – большая высокая корзина.

Ай парни, ай молодушки,
Умеют погулять!
Повымахали косточки,
Повымотали душеньку,
А удаль молодецкую
Про случай сберегли!..

Мужик стоял на валике,
Притопывал лаптишками
И, помолчав минуточку,
Прибавил громким голосом,
Любуясь на веселую,
Ревущую толпу:
– Эй! царство ты мужицкое,
Бешапочное, пьяное,
Шуми – вольней шуми!.. —

«Как звать тебя, старинушка?»

– А что? запишешь в книжечку?
Пожалуй, нужды нет!
Пиши: *«В деревне Басове
Яким Нагой живет,
Он до смерти работает,
До полусмерти пьет!..»*

Крестьяне рассмеялись
И рассказали барину,
Каков мужик Яким.

Яким, старик убогонький,
Живал когда-то в Питере,
Да угодил в тюрьму:
С купцом тягаться вздумалось!
Как липочка ободранный,
Вернулся он на родину
И за соху взялся.
С тех пор лет тридцать жарится
На полосе под солнышком,
Под бороной спасается
От частого дождя,
Живет – с сохою возится,
А смерть придет Якимушке —
Как ком земли отвалится,
Что на сохе присох...

С ним случай был: картиночек
Он сыну накопил,
Развешал их по стеночкам
И сам не меньше мальчика
Любил на них глядеть.
Пришла немилость божия,
Деревня загорелась —
А было у Якимушки
За целый век накоплено
Целковых тридцать пять.
Скорей бы взять целковые,
А он сперва картиночки
Стал со стены срывать;

Жена его тем временем
С иконами возилася,
А тут изба и рухнула —
Так оплошал Яким!
Слились в комок целковики,
За тот комок дают ему
Одиннадцать рублей...
«Ой брат Яким! недешево
Картинки обошлись!
Зато и в избу новую

Повесил их небось?»
— Повесил — есть и новые, —
Сказал Яким — и смолк.

Вгляделся барин в пахаря:
Грудь впалая; как вдавленный
Живот; у глаз, у рта
Излучины, как трещины
На высохшей земле;
И сам на землю-матушку
Похож он: шея бурая,
Как пласт, сохой отрезанный,
Кирпичное лицо,
Рука — кора древесная,
А волосы — песок.

Крестьяне, как заметили,
Что не обидны барину

Якимовы слова,
И сами согласились
С Якимом: – Слово верное:
Нам подобает пить!
Пьем – значит, силу чувствуем!
Придет печаль великая,
Как перестанем пить!..
Работа не свалила бы,
Беда не одолела бы,
Нас хмель не одолит!
Не так ли?
«Да, бог милостив!»
– Ну, выпей с нами чарочку!

Достали водки, выпили.
Якому Веретенников
Два шкалика поднес.

– Ай барин! не прогневался,
Разумная головушка!
(Сказал ему Яким.)
Разумной-то головушке
Как не понять крестьянина?
А свиньи ходят по́ земи —
Не видят неба век!..

Вдруг песня хором грянула
Удалая, согласная:
Десятка три молодчиков,

Хмельненьки, а не валятся,
Идут рядком, поют,
Поют про Волгу-матушку,
Про удаль молодецкую,
Про девичью красу.
Притихла вся дороженька,
Одна та песня складная
Широко, вольно катится,
Как рожь под ветром стелется,
По сердцу по крестьянскому
Идет огнем-тоской!..

Под песню ту удалую
Раздумалась, расплакалась
Молодушка одна:
«Мой век – что день без солнышка,
Мой век – что ночь без месяца,
А я, млада-младешенька,
Что борзый конь на привязи,
Что ласточка без крыл!
Мой старый муж, ревнивый муж,
Напился пьян, храпом храпит,
Меня, младу-младешеньку,
И сонный сторожит!»
Так плакалась молодушка
Да с возу вдруг и спрыгнула!
«Куда?» – кричит ревнивый муж,
Привстал – и бабу за косу,
Как редьку за вихор!

Ой! ночка, ночка пьяная!
Не светлая, а звездная,
Не жаркая, а с ласковым
Весенним ветерком!
И нашим добрым молодцам
Ты даром не прошла!
Сгрустнулось им по женушкам,
Оно и правда: с женушкой
Теперь бы веселей!
Иван кричит: «Я спать хочу»,
А Марьюшка: – И я с тобой! —
Иван кричит: «Постель узка»,
А Марьюшка: – Уляжемся! —
Иван кричит: «Ой, холодно»,
А Марьюшка: – Угреемся! —
Как вспомнили ту песенку,
Без слова – согласились
Ларец свой попытать.

Одна, зачем Бог ведает,
Меж полем и дорогою
Густая липа выросла.
Под ней присели странники
И осторожно молвили:
«Эй! скатерть самобраная,
Попотчуй мужиков!»

И скатерть развернулася,

Откудова ни взялися
Две дюжие руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.
Крестьяне подкрепилися.
Роман за караульного
Остался у ведра,
А прочие вмешались
В толпу – искать счастливого:
Им крепко захотелось
Скорей попасть домой...

ГЛАВА IV. СЧАСТЛИВЫЕ

В толпе горластой, праздничной
Похаживали странники,
Прокликивали клич:
«Эй! нет ли где счастливого?
Явись! Коли окажется,
Что счастливо живешь,
У нас ведро готовое:
Пей даром сколько вздумаешь —
На славу угостим!..»
Таким речам неслыханным
Смеялись люди трезвые,
А пьяные да умные
Чуть не плевали в бороду
Ретивым крикунам.
Однако и охотников
Хлебнуть вина бесплатного
Достаточно нашлось.
Когда вернулись странники
Под липу, клич прокликавши,
Их обступил народ.

Пришел дьячок уволенный,
Тощей, как спичка серная,
И ляды распустил,

Что счастье не в пажитях ⁵²,
Не в соболях, не в золоте,
Не в дорогих камнях.

«А в чем же?»

– В благодушестве ⁵³!

Пределы есть владениям
Господ, вельмож, царей земных,

А мудрого владение —

Весь вертоград Христов ⁵⁴!

Коль обогреет солнышко

Да пропущу косушечку,

Так вот и счастлив я! —

«А где возьмешь косушечку?»

– Да вы же дать сулилися...

«Проваливай! шалишь!...»

Пришла старуха старая,

Рябая, одноглазая,

И объявила, кланяясь,

Что счастлива она:

Что у нее по осени

Родилось реп до тысячи

На небольшой гряде.

---

⁵² Пажити – в тамбовско-рязанских говорах – луга, пастбища; в архангельских – пожитки, имущество.

⁵³ Благодушество – душевное состояние, располагающее к милосердию, благу, добру.

⁵⁴ Вертоград Христов – синоним рая.

– Такая репа крупная,
Такая репа вкусная,
А вся гряда – сажени три,
А впоперечь – аршин ⁵⁵! —
Над бабой посмеялися,
А водки капли не дали:
«Ты дома выпей, старая,
Той репой закуси!»

Пришел солдат с медалями,
Чуть жив, а выпить хочется:
– Я счастлив! – говорит.
«Ну, открывай, старинушка,
В чем счастье солдатское?
Да не таись, смотри!»
– А в том, во-первых, счастье,
Что в двадцати сражениях
Я был, а не убит!
А во-вторых, важней того,
Я и во время мирное
Ходил ни сыт ни голоден,
А смерти не дался!
А в-третьих – за провинности,
Великие и малые,
Нешадно бит я палками,
А хоть пощупай – жив!

«На! выпивай, служивенький!

---

⁵⁵ Аршин – старинная русская мера длины, равная 0,71 м.

С тобой и спорить нечего:
Ты счастлив – слова нет!»

Пришел с тяжелым молотом
Каменотес-олончанин ⁵⁶,
Плечистый, молодой:
– И я живу – не жалуюсь, —
Сказал он, – с женкой, с матушкой
Не знаем мы нужды!

«Да в чем же ваше счастье?»

– А вот гляди (и молотом,
Как перышком, махнул):
Коли проснусь до солнышка
Да разогнусь о полночи,
Так гору сокрушу!
Случалось, не похвастаю,
Щебенки наколачивать
В день на пять серебром!

Пахом приподнял «счастье»
И, крякнувши порядочно,
Работнику поднес:
«Ну, веско! а не будет ли
Носиться с этим счастьем
Под старость тяжело?..»

---

⁵⁶ Олончанин – житель Олонецкой губернии.

– Смотри, не хвастай силою, —
Сказал мужик с одышкою,
Расслабленный, худой
(Нос острый, как у мертвого,
Как грабли руки тощие,
Как спицы ноги длинные,
Не человек – комар). —
Я был – не хуже каменщик
Да тоже хвастал силою,
Вот Бог и наказал!
Смекнул подрядчик, бестия,
Что простоват детинушка,
Учал меня хвалить,
А я-то сдуру радуюсь,
За четверых работаю!
Однажды ношу добрую
Наклат я кирпичей.
А тут его, проклятого,
И нанеси нелегкая:
«Что это? – говорит. —
Не узнаю я Трифона!
Идти с такою ношею
Не стыдно молодцу?»
– А коли мало кажется,
Прибавь рукой хозяйскою! —
Сказал я, осердясь.
Ну, с полчаса, я думаю,
Я ждал, а он подкладывал,
И подложил, подлец!

Сам слышу – тяга страшная,
Да не хотелось пятиться.
И внес ту ношу чертову
Я во второй этаж!
Глядит подрядчик, дивится,
Кричит, подлец, оттудова:
«Ай молодец, Трофим!
Не знаешь сам, что сделал ты:
Ты снес один по крайности
Четырнадцать пудов!»
Ой, знаю! сердце молотом
Стучит в груди, кровавые
В глазах круги стоят,
Спина как будто треснула...
Дрожат, ослабили ноженьки.
Зачах я с той поры!..
Налей, брат, полстаканчика!

«Налить? Да где ж тут счастье?
Мы потчует счастливого,
А ты что рассказал!»

– Дослушай! будет счастье!

«Да в чем же, говори!»

– А вот в чем. Мне на родине,
Как всякому крестьянину,
Хотелось умереть.

Из Питера, расслабленный,
Шальной, почти без памяти,
Я на машину сел.
Ну, вот мы и поехали.
В вагоне – лихорадочных,
Горячечных работничков
Нас много набралось,
Всем одного желалось,
Как мне: попасть на родину,
Чтоб дома помереть.
Однако нужно счастье
И тут: мы летом ехали,
В жарище, в духоте
У многих помутились
Вконец больные головы,
В вагоне ад пошел:
Тот стонет, тот катается,
Как оглашенный, по полу,
Тот бредит женкой, матушкой.
Ну, на ближайшей станции
Такого и долой!
Глядел я на товарищей,
Сам весь горел, подумывал —
Несдобровать и мне.
В глазах кружки багровые,
И все мне, братец, чудится,

Что режу пеунов ⁵⁷!

---

⁵⁷ Пеун – петух.

(Мы тоже пеунятники ⁵⁸,
Случалось в год откармливать
До тысячи зобов.)
Где вспомнились, проклятые!
Уж я молиться пробовал,
Нет! все с ума нейдут!
Поверишь ли? вся партия
Передо мной трепещется!
Гортани перерезаны,
Кровь хлещет, а поют!
А я с ножом: «Да полно вам!»
Уж как Господь помиловал,
Что я не закричал?
Сижу, креплюсь... по счастью,
День кончился, а к вечеру
Похолодало, — сжалился
Над сиротами Бог!
Ну, так мы и доехали,
И я добрел на родину,
А здесь, по Божьей милости,
И легче стало мне...

— Чего вы тут расхвастались
Своим мужицким счастьем? —
Кричит разбитый на ноги
Дворовый человек. —
А вы меня попотчуйте:
Я счастлив, видит Бог!

---

⁵⁸ Пеунятник — человек, откармливающий петухов на продажу.

У первого боярина,
У князя Переметьева,
Я был любимый раб.
Жена – раба любимая,
А дочка вместе с барышней
Училась и французскому
И всяким языкам,
Садиться позволялось ей
В присутствии княжны...
Ой! как кольнуло!.. батюшки!.. —
(И начал ногу правую
Ладонями тереть.)
Крестьяне рассмеялись.
– Чего смеетесь, глупые, —
Озлившись неожиданно,
Дворовый закричал. —
Я болен, а сказать ли вам,
О чем молюсь я Господу,
Вставая и ложась?
Молюсь: «Оставь мне, Господи,
Болезнь мою почетную,
По ней я дворянин!»
Не вашей подлой хворостью,
Не хрипотой, не грыжею —
Болезнью благородною,
Какая только водится
У первых лиц в империи,
Я болен, мужичье!
По-да-грой именуется!

Чтоб получить ее —
Шампанское, бургонское,
Токайское, венгерское
Лет тридцать надо пить...
За стулом у светлейшего
У князя Переметьева
Я сорок лет стоял,
С французским лучшим трюфелем ⁵⁹
Тарелки я лизал,
Напитки иностранные
Из рюмок допивал...
Ну, наливай! —
«Проваливай!
У нас вино мужицкое,
Простое, не заморское —
Не по твоим губам!»

Желтоволосый, сгорбленный,
Подкрался робко к странникам
Крестьянин-белорус,
Туда же к водке тянется:
— Налей и мне маненичко,
Я счастлив! – говорит.

«А ты не лезь с ручищами!
Докладывай, доказывай
Сперва, чем счастлив ты?»

---

⁵⁹ Трюфель – растущий под землей гриб округлой формы. Особенно высоко ценился французский черный трюфель.

– А счастье наше – в хлебушке:
Я дома в Белоруссии
С мякиною, с кострикою ⁶⁰
Ячменный хлеб жевал;
Бывало, вопишь голосом,
Как роженица корчишься,
Как схватит животы.
А ныне, милость Божия! —
Досыта у Губонина
Дают ржаного хлебушка,
Жую – не нажуюсь! —

Пришел какой-то пасмурный
Мужик с скулой свороченной,
Направо все глядит:
– Хожу я за медведями.
И счастье мне великое:
Троих моих товарищей
Сломали мишуки,
А я живу, Бог милостив!

«А ну-ка влево глянь?»

Не глянул, как ни пробовал,
Какие рожи страшные
Ни корчил мужичок:
– Свернула мне медведица

---

⁶⁰ Кострика – одревесневшие части стеблей льна, конопли и т.п.

Маненичко скулу! —
«А ты с другой померяйся,
Подставь ей щеку правую —
Поправит...» — Посмеялися,
Однако поднесли.

Оборванные нищие,
Послышав запах пенного,
И те пришли доказывать,
Как счастливы они:
— Нас у порога лавочник
Встречает подаением,
А в дом войдем, так из дому
Проводят до ворот...
Чуть запоем мы песенку,
Бежит к окну хозяйюшка
С краюхою, с ножом,
А мы-то заливаемся:
«Давать давай — весь каравай,
Не мнется и не крошится,
Тебе скорей, а нам спорей...»

Смекнули наши странники,
Что даром водку тратили,
Да кстати и ведерочку
Конец. «Ну, будет с вас!
Эй, счастье мужицкое!
Дырявое с заплатами,
Горбатое с мозолями,

Проваливай домой!»

– А вам бы, други милые,
Спросить Ермилу Гирина, —
Сказал, подсевши к странникам,
Деревни Дымоглотова
Крестьянин Федосей. —
Коли Ермил не выручит,
Счастливецем не объявится,
Так и шататься нечего...

«А кто такой Ермил?
Князь, что ли, граф сиятельный?»

– Не князь, не граф сиятельный,
А просто он – мужик!

«Ты говори толковее,
Садись, а мы послушаем,
Какой такой Ермил?»

– А вот какой: сиротскую
Держал Ермило мельницу
На Унже. По суду
Продать решили мельницу:
Пришел Ермило с прочими
В палату на торги.
Пустые покупатели
Скоренько отвалилися.

Один купец Алтынников
С Ермилом в бой вступил,
Не отстает, торгуется,
Наносит по копеечке.
Ермило как рассердится —
Хвать сразу пять рублей!
Купец опять копеечку,
Пошло у них сражение;
Купец его копейкою,
А тот его рублем!
Не устоял Алтынников!
Да вышла тут оказия:
Тотчас же стали требовать
Задатков третью часть,
А третья часть – до тысячи.
С Ермилом денег не было,
Уж сам ли он сплюшал,
Схитрили ли подьячие,
А дело вышло дрянь!
Повеселел Алтынников:
«Моя, выходит, мельница!»
«Нет! – говорит Ермил,
Подходит к председателю. —
Нельзя ли вашей милости
Помешкать полчаса?»

– Что в полчаса ты сделаешь?

«Я деньги принесу!»

– А где найдешь? В уме ли ты?
Верст тридцать пять до мельницы,
А через час присутствию
Конец, любезный мой!

«Так полчаса позвольте?»

– Пожалуй, час промешкаем! —
Пошел Ермил; подьячие
С купцом переглянулись,
Смеются, подлецы!
На площадь на торговую
Пришел Ермило (в городе
Тот день базарный был),
Стал на воз, видим: крестится,
На все четыре стороны
Поклон, – и громким голосом
Кричит: «Эй, люди добрые!
Притихните, послушайте,
Я слово вам скажу!»
Притихла площадь людная,
И тут Ермил про мельницу
Народу рассказал:
«Давно купец Алтынников
Присватывался к мельнице,
Да не плошал и я,
Раз пять справлялся в городе,
Сказали: с переторжкою
Назначены торги.

Без дела, сами знаете,
Возить казну крестьянину
Проселком не рука:
Приехал я без грошика,
Ан глядь – они спроворили
Без переторжки торг!
Схитрили души подлые,
Да и смеются нехристи:
«Что, часом, ты поделаешь?
Где денег ты найдешь?»
Авось найду, Бог милостив!
Хитры, сильны подьячие,
А мир их посильней,
Богат купец Алтынников,
А все не устоять ему
Против мирской казны —
Ее, как рыбу из моря,
Века ловить – не выловить.
Ну, братцы! видит Бог,
Разделаюсь в ту пятницу!
Не дорога мне мельница,
Обида велика!
Коли Ермила знает,
Коли Ермилу верите,
Так выручайте, что ль!...»

И чудо сотворилось:
На всей базарной площади
У каждого крестьянина,

Как ветром, полу левую
Заворотило вдруг!
Крестьянство раскошелилось,
Несут Ермилу денежки,
Дают, кто чем богат.
Ермило парень грамотный,
Да некогда записывать,
Успей пересчитать!
Наклали шляпу полную
Целковиков, лобанчиков,
Прожженной, битой, трепаной
Крестьянской ассигнации.
Ермило брал – не брезговал
И медным пятаком.
Еще бы стал он брезговать,
Когда тут попадался
Иная гривна медная
Дороже ста рублей!

Уж сумма вся исполнилась,
А щедрота народная
Росла: – Бери, Ермил Ильич,
Отдашь, не пропадет! —
Ермил народу кланялся
На все четыре стороны,
В палату шел со шляпою,
Зажавши в ней казну.
Сдвинулись подъячие,
Позеленел Алтынников,

Как он сполна всю тысячу
Им выложил на стол!..
Не волчий зуб, так лисий хвост, —
Пошли юлить подьячие,
С покупкой поздравлять!
Да не таков Ермил Ильич,
Не молвил слова лишнего.
Копейки не дал им!

Глядеть весь город съехался,
Как в день базарный, пятницу,
Через неделю времени
Ермил на той же площади
Рассчитывал народ.
Упомнить где же всякого?
В ту пору дело делалось
В горячке, второпях!
Однако споров не было,
И выдать гроша лишнего
Ермилу не пришлось.
Еще — он сам рассказывал —
Рубль лишний, чей Бог ведает!
Остался у него.
Весь день с мошной раскрытою
Ходил Ермил, допытывал:
Чей рубль? да не нашел.
Уж солнце закатилось,
Когда с базарной площади
Ермил последний тронулся,

Отдав тот рубль слепым...
Так вот каков Ермил Ильич. —
«Чудён! – сказали странники. —
Однако знать желательно —
Каким же колдовством
Мужик над всей округою
Такую силу взял?»

– Не колдовством, а правдою.
Слыхали про Адовщину,
Юрлова князя вотчину?

«Слыхали, ну так что ж?»
– В ней главный управляющий
Был корпуса жандармского
Полковник со звездой,
При нем пять-шесть помощников,
А наш Ермило писарем
В конторе состоял.

Лет двадцать было малому,
Какая воля писарю?
Однако для крестьянина
И писарь человек.
К нему подходишь к первому,
А он и посоветует
И справку наведет;
Где хватит силы – выручит,
Не спросит благодарности,

И дашь, так не возьмет!
Худую совесть надобно —
Крестьянину с крестьянина
Копейку вымогать.
Таким путем вся вотчина
В пять лет Ермилу Гирина
Узнала хорошо,
А тут его и выгнали...
Жалели крепко Гирина,
Трудненько было к новому,
Хапуге, привыкать,
Однако делать нечего,
По времени приладились
И к новому писцу.
Тот ни строки без трешника,
Ни слова без семишника,
Прожженный, из кутейников —
Ему и Бог велел!

Однако, волей Божией,
Недолго он поцарствовал, —
Скончался старый князь,
Приехал князь молоденькой,
Прогнал того полковника.
Прогнал его помощника,
Контору всю прогнал,

А нам велел из вотчины
Бурмистра изобразить.

Ну, мы не долго думали,
Шесть тысяч душ, всей вотчиной
Кричим: – Ермилу Гирина! —
Как человек один!
Зовут Ермилу к барину.
Поговорив с крестьянином,
С балкона князь кричит:
«Ну, братцы! будь по-вашему.
Моей печатью княжеской
Ваш выбор утвержден:
Мужик проворный, грамотный,
Одно скажу: не молод ли?..»
А мы: – Нужды нет, батюшка,
И молод, да умен! —
Пошел Ермило царствовать
Над всей княжою вотчиной,
И царствовал же он!
В семь лет мирской копеечки
Под ноготь не зажал,
В семь лет не тронул правого,
Не попустил виновному.
Душой не покривил...

«Стой! – крикнул укорительно
Какой-то попик седенький
Рассказчику. – Грешишь!
Шла борона прямехонько,
Да вдруг махнула в сторону —
На камень зуб попал!

Коли взялся рассказывать,
Так слова не выкидывай
Из песни: или странникам
Ты сказку говоришь?..
Я знал Ермилу Гирина...»

– А я небось не знал?
Одной мы были вотчины,
Одной и той же волости,
Да нас перевели...

«А коли знал ты Гирина,
Так знал и брата Митрия,
Подумай-ка, дружок».

Рассказчик призадумался
И, помолчав, сказал:
– Соврал я: слово лишнее
Сорвалось на маху!
Был случай, и Ермил-мужик
Свихнулся: из рекрутчины
Меньшого брата Митрия
Повыгородил он.
Молчим: тут спорить нечего,
Сам барин брата старосты
Забрать бы не велел,
Одна Ненила Власьева
По сыне горько плачется,
Кричит: не наш черед!

Известно, покричала бы
Да с тем бы и отъехала.
Так что же? Сам Ермил,
Покончивши с рекрутчиной,
Стал тосковать, печалиться,
Не пьет, не ест: тем кончилось,
Что в деннике с веревкою
Застал его отец.
Тут сын отцу покаялся:
«С тех пор, как сына Власьевны
Поставил я не в очередь,
Постыл мне белый свет!»
А сам к веревке тянется.
Пытали уговаривать
Отец его и брат,
Он все одно: «Преступник я!
Злодей! вяжите руки мне,
Ведите в суд меня!»
Чтоб хуже не случилось,
Отец связал сердечного,
Приставил караул.
Сошелся мир, шумит, галдит,
Такого дела чудного
Вовек не приходилось
Ни видеть, ни решать.
Ермиловы семейные
Уж не о том старались,
Чтоб мы им помирволили,
А строже рассуди —

Верни парнишку Власьевне,
Не то Ермил повесится,
За ним не углядишь!
Пришел и сам Ермил Ильич,
Босой, худой, с колодками,
С веревкой на руках,
Пришел, сказал: «Была пора,
Судил я вас по совести,
Теперь я сам грешнее вас:
Судите вы меня!»
И в ноги поклонился нам.
Ни дать ни взять юродивый,
Стоит, вздыхает, крестится,
Жаль было нам глядеть,
Как он перед старухою,
Перед Ненилой Власьевой,
Вдруг на колени пал!
Ну, дело все обладилось,
У господина сильного
Везде рука; сын Власьевны
Вернулся, сдали Митрия,
Да, говорят, и Митрию
Нетяжело служить,
Сам князь о нем заботится.
А за провинность с Гирина
Мы положили штраф:
Штрафные деньги рекруту,
Часть небольшая Власьевне,
Часть миру на вино...

Однако после этого
Ермил не скоро справился,
С год как шальной ходил.
Как ни просила вотчина,
От должности уволился,
В аренду снял ту мельницу
И стал он пуще прежнего
Всему народу люб:
Брал за помол по совести.
Народу не задерживал,
Приказчик, управляющий,
Богатые помещики
И мужики беднейшие —
Все очереди слушались,
Порядок строгий вел!
Я сам уж в той губернии
Давненько не бывал,
А про Ермилу слыхивал,
Народ им не бахвалится,
Сходите вы к нему.

— Напрасно вы проходите, —
Сказал уж раз заспоривший
Седоволосый поп. —
Я знал Ермилу, Гирина,
Попал я в ту губернию
Назад тому лет пять
(Я в жизни много странствовал,
Преосвященный наш

Переводить священников
Любил)... С Ермилой Гириным
Соседи были мы.

Да! был мужик единственный!

Имел он все, что надобно
Для счастья: и спокойствие,
И деньги, и почет,
Почет завидный, истинный,
Не купленный ни деньгами,
Ни страхом: строгой правдою,
Умом и добротой!

Да только, повторяю вам,
Напрасно вы проходите,
В остроге он сидит...

«Как так?»

– А воля Божия!

Слыхал ли кто из вас,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Испуганной губернии,
Уезда Недыханьева,
Деревня Столбняки?..
Как о пожарах пишется
В газетах (я их читывал):
«Осталась неизвестною
Причина» – так и тут:
До сей поры неведомо
Ни земскому исправнику,

Ни высшему правительству,
Ни столбнякам самим,
С чего стряслась оказия.
А вышло дело дрянь.
Потребовалось воинство.
Сам Государев посланный
К народу речь держал,
То руганью попробует
И плечи с эполетами
Подымет высоко,
То ласкою попробует
И грудь с крестами царскими
Во все четыре стороны
Повертывать начнет.
Да брань была тут лишняя,
А ласка непонятная:
«Крестьянство православное!
Русь-матушка! царь-батюшка!»
И больше ничего!
Побившись так достаточно,
Хотели уж солдатам
Скомандовать: пали!
Да волостному писарю
Пришла тут мысль счастливая,
Он про Ермилу Гирина
Начальнику сказал:
— Народ поверит Гирина,
Народ его послушает... —
«Позвать его живей!»

.....

Вдруг крик: «Ай, ай! помилуйте!»,
Раздавшись неожиданно,
Нарушил речь священника,
Все бросились глядеть:
У валика дорожного
Секут лакея пьяного —
Попался в воровстве!
Где пойман, тут и суд ему:
Судей сошлось десятка три,
Решили дать по лозочке,
И каждый дал лозу!
Лакей вскочил и, шлепая
Худыми сапожнишками,
Без слова тягу дал.
«Вишь, побежал, как встрепанный! —
Шутили наши странники,
Узнавши в нем балясника,
Что хвастался какою-то

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.